

Two great areas of Russian demonology — North Russia and South Russia — are marked by the author in present paper. Based on ethnographic materials of the 19th — 20th centuries and archive data (author worked in the archives of the Institute of Ethnology and Anthropology RAN, Folklore Department of MSU and Folklore Department of Voronezh State University) the typological differences between South Russian and North Russian demonology as well as reasons for this development were stressed out.

V. I. Dynin

© 1993 г., ЭО, № 4

В. И. Харитонова

**ЗАГОВОРНО-ЗАКЛИНАТЕЛЬНЫЙ АКТ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ВОСТОЧНЫХ
СЛАВЯН**

Изучение народной жизни неизбежно приводит к мысли о разграничении типов поведения «человека природы» и «человека культуры»¹. Люди, родившиеся, воспитанные и живущие в соответствии с традиционными представлениями, подчинены законам архетипической модели мира. Как замечает в одной из своих работ Т. В. Цивьян, «противопоставление природа/культура нейтрализуется не экспансией культуры, а ее поглощением природой... Такое свойство поддерживает прочность архетипической модели, разрушить которую гораздо сложнее, чем это обычно представляется»². Подобная ситуация обуславливает, естественно, более или менее строгую регламентацию человеческого поведения в различные моменты жизни. «При этом чем более значимы сферы поведения, тем более жестко они регламентированы, тем сильнее контроль над соблюдением стандартов и образцов»³.

Заговорно-заклинательная практика представляет одну из жестко регламентированных сфер поведения. Уходя своими корнями в глубокую древность, она до настоящего момента играет весьма важную роль в народной жизни, а все, что с ней связано, до сих пор остается в значительной степени сакрализованном. Люди, имеющие отношение к ведовству, не только в ситуациях заклинания, но и в обыденной жизни несколько выделяются из профанной среды. Любой «знающий» имеет в деревне определенный имидж. Жизнь «в образе» для него постоянна и привычна, если он сам причисляет себя к профессионалам и окружающие признают его за такового. Колдуны, ведуны, знахари — это, в некотором смысле, маркированные члены общины с определенным ролевым поведением. Их повседневное бытие воспринимается как ритуализованное, связанное с сакральным, которое, «балансируя на грани с профаническим, хотя бы косвенно и негативно обозначает эту грань, а в некоторых ключевых точках непосредственно реализует свою противопоставленность сфере профанического»⁴.

Степень ритуализации поведения заклинателей в обыденной жизни в каждом конкретном случае различна. У тех, кто связан с черной магией, кто претендует на роль колдуна или хотя бы ведуна, тяготение к особости, маркированности проявляется гораздо яростнее, чем у знахарей⁵. Особый статус человека такой «профессии» связан с тем, что в его жизни постоянно чередуются моменты ритуальной практики и обыденности. Именно пограничное существование на грани профанного и сакрального позволяет заклинателю играть свою специфическую

роль. Повседневное ролевое поведение диктуется для него, видимо, не только необходимостью утверждать в сознании окружающих мысль о своей необычности, но и обязательностью деятельности, которая требует всякий раз очень быстрого вхождения в «рабочее состояние». Таким образом, у заклинателя есть как бы два варианта его роли: обычный (ритуализованное поведение) и рабочий (ритуальное поведение). К сожалению, в фольклорно-этнографических материалах сведения о поведении заклинателей, об их психологии слишком малочисленны и поверхностны, что объясняется сложностями работы со знахарями, ведунами, тем более с колдунами в естественной ситуации, а также утвердившейся фольклористической установкой рассматривать заговор (вербальный текст) как первооснову процесса заклинания.

Разумеется, имея дело с заклинательной традицией, необходимо изучать не отдельные тексты, сопровождаемые комментариями об их использовании, а заговорно-заклинательную практику в целом, заговорно-заклинательные акты как явление быта, культуры, психологии. Но если исследование фольклорных фактов одновременно в их бытовых и культурных проявлениях⁶ находит активную поддержку у многих ученых, то психологической стороне народного творчества специалисты, как правило, почти не уделяют внимания. Во всяком случае восточнославянская заговорно-заклинательная практика с этих позиций всерьез не изучалась в отличие, например, от шаманизма⁷.

Наиболее четкая и, как представляется, соответствующая реальной традиции концепция заговорно-заклинательной практики изложена в работах В. Н. Топорова. Он считает, что «заговор представляет собой исключительно единую, целостную и самодовлеющую конструкцию, действующую именно как *ц е л о е* (выделено автором. — В. Х.), из каких бы частей оно ни состояло. Более того, заговоры не только „фольклорны“ и „ритуальны“, но они в то же время очень существенно отличаются как от других фольклорных жанров, так и от других видов ритуала»⁸. Именно необходимость изучения заговора как единой, целостной и самодовлеющей конструкции приводит к неизбежности введения понятия заговорно-заклинательного акта⁹, который должен исследоваться с учетом всей сложности функционирования его в быту; отрывочные записи вербальных текстов вне контекста исполнения или заклинания, зафиксированные в искусственной ситуации, могут привлекаться только как дополнительный материал либо использоваться для рассмотрения специальных вопросов.

Заговорно-заклинательный акт — это окказиональная или заранее запрограммированная обрядовой стороной жизни ситуация, в ходе которой каким-либо лицом осуществляется заклинание с помощью синкретически взаимосвязанных слова, действия, предмета при условии полной веры в магическую сущность происходящего. Общее и частное в заговорно-заклинательных актах программируется архетипическим сознанием «человека природы» и всякий раз реализуется без достаточного значимых отступлений от традиции, от изначального ритуально-магического знания. Но народная духовная культура в самых разных своих сферах допускает некоторую степень вариативности; ее состояние, по удачному замечанию К. В. Чистова, вибрационно¹⁰. Весьма своеобразная вариативность свойственна и заговорно-заклинательной практике.

Специфика этой сферы народной жизни при анализе требует учета ряда специфических условий. Вибрационность заговорно-заклинательной традиции очевидно обусловлена несколькими показателями: 1) наличием «профессиональных» и «непрофессиональных» заклинателей¹¹, 2) характером осознания разными ведунами того, *что* или *кто* оказывает реальное воздействие на людей, подвергающихся заклинаниям, 3) качественно различными творческими способностями людей, принадлежащих к той или иной категории исполнителей. Воплощение каждого из названных параметров в конкретном случае порождает особый вариант заговорно-заклинательного акта.

Понятие профессионализма в ведовской деятельности довольно расплывчато. Как известно, с принятием христианства восточными славянами связаны

отрицание праведности заклинательной практики и гонения на ее знатоков как на служителей языческого жреческого культа¹². Это явилось причиной значительного изменения и вырождения искусства древнерусских волхвов-профессионалов, если даже таковое было хорошо развито¹³. Колдун, ведун, знахарь (назывной ряд, как известно, можно продолжить) стал обычным деревенским жителем, который либо потихоньку пользовал страждущих, либо мог навести на кого-нибудь порчу. Но несмотря на значительную «утилитаризацию профессии» и постепенное приземление образа заклинателя и в наши дни среди «знающих» выделяются те, кто работает наиболее активно с самым широким кругом людей (их-то и воспринимают как профессионалов; кстати, они обычно имеют от своей практики немалые дополнительные доходы¹⁴), в отличие от тех, кто изредка лечит кого-то в своей семье или среди ближайших соседей¹⁵. Это разделение в некоторых ситуациях оказывается достаточно существенным: «профессионал» для поддержания своего престижа часто усложняет заговорно-заклинательный акт или же проводит его особенным образом в связи с собственным представлением о том, что (кто) и как оказывает реальное лечебное (колдовское) воздействие.

Воззрения заклинателей на то, что (кто) и как оказывает воздействие на пациента в процессе магического лечения, разнородны. При этом убеждения ведуна не всегда соответствуют тому, что говорится об этом в используемых им заклинательных текстах. Как в заклинательном слове, так и в сознании информатора могут быть представлены несколько вариантов такого знания. Абсолютное большинство современных знахарей и ведунов считают, что они обращаются к Богу, который способствует улучшению состояния пациента; при этом себя лекари воспринимают как посредников, ссылаясь на то, что в ходе заговорно-заклинательного акта они читают «молитвы» (в действительности это может быть: каноническая молитва, апокрифическая молитва, молитва + заговор, молитвенное вступление + заговор, заговор). В самих же заклинательных текстах, особенно если они включают молитвы и молитвенные вступления, содержатся призывы к Богу и святым о помощи: «Матушка Пресвятая Богородица, спаси и помилуй...»; «Святой Пантелеймоне, до тебе з молитвою прибегаю...¹⁶» — или заверения, что помощь исходит непосредственно от Бога («не я помогаю — сам Господь помогает»¹⁷, либо же сообщения о том, что Бог помогает через целителя: «Не мой дух — Божий, не я подувала — Прочыста подувала, Господа Бога прохала»¹⁸).

Люди, прибегающие к Божьей помощи как первооснове воздействия, допускают возможность довольно свободного обращения со словом в процессе заклинания, — для них важнее всего искренность и истовость просьбы, обращенной к Богу. А поскольку во время молитвы человек привык после заученного текста выражать в вольной форме свои собственные просьбы, обращенные к Всевышнему, то в заговорно-заклинательных актах, видимо, срабатывает тот же механизм: знахарка вымалывает Божью помощь всеми доступными средствами.

При полной вере в решающую роль Бога при исцелении заклинатели могут воспринимать известные им тексты как обычные молитвы с соответствующим отношением к ним: «молитовки» можно рассказывать всем желающим приобщиться к доброму делу, соблюдая незначительные предосторожности (например, считают, что нельзя передавать хитрым — от них помощи никому не будет¹⁹). Но гораздо чаще в христианское отношение к делу вплетаются языческие мотивы, и в силу вступают дополнительные ограничения на распространение заклинаний: передавать их можно один раз и только тем, кто моложе заклинателя, кто родился первым ребенком в семье, у кого еще все зубы целы и т. д.

Многочисленные дополнительные ограничения чаще вводят заклинатели, верящие в действенность особого слова, которым они владеют. Это отношение может выступать в своей крайней форме: ведун знает *слово*, которое действует только пока составляет его тайну. В таком случае убеждение, что целительство — дело Божье, отодвигается на второй план: кто-то может считать, что оно

вершится, например, при попустительстве Бога. Вера в силу слова заставляет не только сохранять его в глубокой тайне, но и неизменным. Сила особых слов также может подчеркиваться непосредственно в заклинательных текстах («... от ветра знаю, я од ветра отговараю...»²⁰; «... и кое слово забыто было, и то слово впереди стало в лучшем месте, и кое слово прибавлено, и то бы слово к ним же пристало о младе месяце в полне и в перекрое; тех моих молитв и слов ни водою ни росою не залить, ни дождем не мочить...»²¹).

Среди восточнославянских заклинателей встречаются и те, кто верит в собственные целительские (колдовские) сверхсилы; иногда эта вера осложняется представлением о наличии у человека «подручных» потусторонних персонажей²². В заговорно-заклинательных текстах, пожалуй, также больше всего именно таких сведений, сохраняющихся в древнейших формулах, произносимых от первого лица. Подручные персонажи могут упоминаться в текстах как образы ирреального мира, к которым непосредственно обращается заклинатель («Дедушко-атаманушко, бабушка-атаманушка, / Пустите коровушку на подворье, / Пойте-кормите сладко, / И коровушку водите гладко»²³; «Пресвятая Божья Матерь, / Дойди-ка, доступи-ка до раба Божья Владимира ... / Вынь-ко боли, прикосы...»²⁴). Но ведун, как известно, может заклинать и от первого лица, это то же отражается непосредственно в заговоре («Нечистые духи, Нечистая сила, / Отойди, отвались от рабы Божьей...»²⁵). Интересно, что в вербальном тексте, как правило, сохраняется уверенность в сверхзнаниях и сверхспособностях заклинателя, но это не всегда означает совпадение представлений ведуна с произносимым им словом.

Знахари, полагающие, будто они сами являются основной воздействующей на окружающий мир силой, могут также считать, что сила этого воздействия связана с особым образом проговариваемым словом, данным и подвластным непосредственно и только им. Иногда встречается необычный тип целителей такого рода, которые сообщают, что они сами могут составлять собственные заклинания (или получать их от потусторонних сил, персонажей ирреального мира). Это достаточно редкое явление в восточнославянской практике, более характерно для шаманизма²⁶. Пример такого типа заклинателей — современный целитель А. П. Бабич, имеющий свою оригинальную концепцию не только о заговорно-заклинательной практике, но и о мире²⁷. Он, потомственный знахарь, абсолютно уверен в своих возможностях контакта с потусторонними силами, а также в том, что ему непосредственно покровительствуют Сергей Радонежский и иные персонажи, приближенные к Богу. Но фигуру своего покровителя, Учителя, он рассматривает больше как подручную силу, постоянно отвечающую на его вопросы, дающую советы по поводу болезней, которые находит сам целитель. Именно он и является главным действующим лицом в процессе лечения, поскольку наделен совершенно особой сверхсилой. Ее он именуется на современный манер «энергией».

Такие знахари могут осознавать свою одаренность не как избранничество типа шаманского дара, а как наличие в своем организме какой-то особой крови, непонятно почему именно у них оказавшейся. Одна из известных знахарок с. Вышевичи Житомирской обл., например, полагая, что она может лечить и словом, и молитвой, и даже вообще без слов — просто своими руками (достижения парапсихологии в 1980 г. ей были неизвестны), — объясняла это так: «Я таку кроў маю». О такой своей особенности она впервые услышала от бабушки, которая учила ее заговорному искусству, а позже ей подтвердил это врач районной больницы. Кстати, о лечебных свойствах крови может говориться непосредственно в заклинательных текстах: («упрошаю вас, умоляю, не сам собою — кровью своею»²⁸).

Некоторые заклинатели подобного склада могут осознавать свои способности как награду Бога за особо праведный образ жизни. При этом само воздействие трактуется либо реалистически (особая кровь, энергия), либо религиозно-фантастически («Божий дух во мне есть», «то — дар Божий»). Аналогичные представления встречаются иногда во вступительных или заключительных частях текста («Мой душок тыхэнький, мой душок легэнький — од самого Господа Бога»²⁹).

Такой ведун может воспринимать себя как Божьего посланника, что роднит его с целителями, которым их дар достался от посланцев ирреального мира. Заклинатели отражают подобные представления в начальных и финальных формулах текста («Прыслала меня Прэчыста Божья Матерь коровку шэптати...»³⁰).

Естественно, что при наличии веры в магические силы, особую целительскую энергию или необыкновенную кровь ведун максимально свободно относится к тексту. Он понимает, что может «работать» даже без слова. Чаще всего такие люди сообщают, будто они используют тексты, как и иные атрибуты заговорно-заклинательного акта, ради веры пациента в их ремесло, т. е. специально имитируют традиционное заклинательное действие. Но эта группа «профессиональных» ведунов включает и тех, кто, веря в себя, полагает обязательным для реального энергетического воздействия проведение особо интенсивного заклипания: свою магическую силу необходимо стимулировать специальными приемами, в том числе особым образом произносимым заговорно-заклинательным текстом, который часто в процессе проговариваний значительно видоизменяется.

Понимание и трактовка характера и своеобразия воздействия заклинателя на пациента тесно связаны с тем, как организует заговорно-заклинательный процесс тот или иной ведун. Но специфика заклинательного акта, которую часто в конкретных условиях можно прогнозировать, зная особенности информатора, зависит еще и от основных исполнительских характеристик человека, что можно выразить через понятие «категория исполнителя».

Деление на исполнительские категории возможно по степени поэтической, музыкальной, в целом творческой одаренности людей, своеобразию их памяти. Разграничение информаторов на четыре категории («передатчики», «контаминаторы», «импровизаторы», «творцы»)³¹ достаточно точно учитывает эти различия (разумеется, с той степенью точности, о которой вообще можно говорить при подобных методах анализа). В заговорно-заклинательной деятельности участвуют представители любых категорий информаторов. Исполнители-передатчики (наименее одаренные, с плохой памятью) если и обращаются к заговорно-заклинательной практике, то только в своей семье. Они, как правило, знают отдельные небольшие тексты, примитивные способы лечения, которые и используют в случае необходимости. Это не избавляет их самих от услуг «профессионалов».

Исполнители-контаминаторы (средне одаренные люди, не отличающиеся большими творческими способностями, склонные более к повторению виденного и слышанного в далеко не лучших вариантах) чаще обращаются к заклинательной деятельности. Среди них встречаются те, кого можно считать «профессионалом» в этой области. Обычно они «отчитывают» от каких-то определенных видов болезней. Используют же такие знахари в своей практике только то, что им «передали», стараясь как можно точнее и лучше сохранить доставшееся по наследству знание. Понимая, что они творчески мало одаренные люди, контаминаторы, как и исполнители-передатчики, не считают себя способными к сверхъестественному воздействию, хотя могут иногда полагаться на силу своей крови, например.

Две другие категории информаторов наиболее интересно проявляют себя в самых разных сферах духовной культуры. Не исключение для них и заговорно-заклинательная деятельность. Исполнители-импровизаторы воспроизводят весьма разнообразные варианты заговорно-заклинательных актов. Среди них, конечно же, есть те, кто верит и в силу слова, и в божественное начало при воздействии на людей, и в самих себя. Они обычно знают множество текстов заклинаний, способов лечения или магических приемов иного типа. В обращении с заговорно-заклинательными средствами импровизаторы гораздо более свободны, чем контаминаторы (за исключением тех случаев, когда речь идет о вере в силу неизменяемого слова).

Наиболее одаренные личности творческого склада, которых обычно называют «творцами» или «профессионалами»³² (не путать с профессионально работа-

ющими заклинателями!), проявляют себя в этой области не менее активно, чем импровизаторы. Однако их отличает стремление к индивидуальному творчеству даже при заклинании. Надежды на себя, свои силы, способности, а также желание что-то усовершенствовать, создать заново, присущие этой категории исполнителей, реализуются у них в применении собственных заговорно-заклинательных актов особого типа. В этом плане творцов можно сравнить с профессиональными вопленицами, порождающими объемные плачи-поэмы, которые уже никто кроме них самих обычно не повторяет. Стремление к индивидуальному творчеству отличает такой тип личности в любой сфере ее деятельности.

Различные характеристики восточнославянских ведунов важны для выявления специфики заговорно-заклинательных актов, воспроизводимых каждым заклинателем. Они же предопределяют во многом своеобразие использования в акте вербального текста и характер его произнесения. Именно исследование звучания заговорно-заклинательного текста позволяет, с нашей точки зрения, филологу обратиться к вопросу о возможном реальном воздействии знатоков магии на человека и природу, что в свою очередь непосредственно связано с типом заговорно-заклинательного акта.

Восточнославянские заклинатели «работают» достаточно разнообразно. Конечно, на столь большой территории невозможно ожидать абсолютно одинаковой традиции заклинания. Разумно предположить, что специфика заговорно-заклинательного акта предопределяется хотя бы отчасти региональным характером фольклора, но на имеющемся материале таких выводов пока сделать не удалось. Существующие же архивные записи и публикации для изучения заклинательной практики в большинстве случаев не могут быть использованы, так как делались, как правило, в искусственных ситуациях. Так, например, на основе текстов, имеющихся в архиве кафедры фольклора МГУ, можно прийти к выводу, что на Русском Севере заклинатели «работают» только со словом, а разработанного заговорно-заклинательного акта там просто не существует. Но это не подтверждается сообщениями этнографов³³.

Наше исследование заговорно-заклинательного акта базируется на незначительном в количественном отношении материале — немногим более сотни наблюдений в различных регионах: это украинское, белорусское, русское Полесье, Закарпатье, Львов, Москва, Архангельская, Калужская, Тамбовская области. Записи осуществлялись в последние 15 лет в ходе экспериментов, где автор был непосредственным пациентом или наблюдателем-учеником. К этому можно добавить гораздо более многочисленные описания заговорно-заклинательных актов, сделанные при обучении искусству заклинания без присутствия пациента. Но думается, что такой материал может быть использован только как вспомогательный.

Непосредственные наблюдения позволяют выделить по меньшей мере три типа заговорно-заклинательных актов, которые имеют место в восточнославянской традиции. Один из них, вероятно, наиболее широко распространенный, по крайней мере в последнее время, можно обозначить как «отчитывание словом». Такое «отчитывание» сводится к многократному повторению заклинательного текста (3, 6, 9, 12 раз) в определенное время. По окончании заклинания могут читаться молитвы или молитвенные отрывки. «Отчитывание» иногда включает какие-либо действия, обычно при лечении отдельных болезней (например, «спаливать рожу» невозможно без застигания больного места красной тряпкой, а также посыпания мелом, сжигания пакли). Но сопроводительные действия в подобных актах обычно примитивны и немногочисленны. Судя по всему, таким типом заговорно-заклинательного акта пользуются не только те ведуны, которые действительно могут оказывать реальную помощь (т. е. являются настоящими экстрасенсами), но и многие люди, в достаточной степени случайно получившие магическое знание³⁴. Среди тех, кто «отчитывает словом», есть исполнители разных категорий³⁵. Пожалуй, только «творцы» избегают такой практики, которая их несколько раздражает своим однообразием. Вот как, например, «отго-

варивает лишай» Д. Ф. Царькова, профессиональная знахарка 72 лет, которая верит в силу слова заклинания, но не отрицает Божьего вмешательства в процесс своей работы («Эта, Вылентина, как Богу будит угодна: можыть, дать здоровья, дetyчка, можыть — нет...») ³⁵. Дарья Филипповна являет собой исполнителя-контаминатора. Особыми фольклорными талантами она никогда не отличалась. Заговаривать начала еще в молодости, научилась от старого дедушки на Брянщине, где тогда жила: «Он такой был, гуличка, што ить всех спасал. У ниво и книжка была... А у миня — листочки были — снаха пажгла».

Обучая меня искусству заклинания, Д. Ф. Царькова сначала передавала слова и подробно объясняла, как ими надо пользоваться, что при этом необходимо делать, а позже лечила в моем присутствии больную. Для «отговаривания лишая» она посадила пациентку перед собой, положив ее больную ногу на скамейку. Потом, перекрестившись на икону, начала читать довольно явственным шепотом «Отче наш ...». После молитвы, взяв в руки большую «цыганскую» иглу и наклонившись над больным местом, стала почти неслышным шепотом повторять заговор, сделав при этом сначала крестообразное движение над пятном, потом вода иглой по кругу и, в конце концов, снова закрещивая пятно. В процессе проговаривания заговора особым «внутренним шепотом» (когда у заклинательницы шевелятся губы и слышны только редкие шепотно произносимые слова на глубоком вдохе) ощущалось усиление напряжения при дыхании. Текст Дарья Филипповна говорила в довольно быстром темпе, немного покачиваясь сообразно ритмике произносимого. Заговор был прочитан три раза подряд без остановки, после чего знахарка трижды сплюнула на правую сторону (соответственно, слева от пациентки).

Магнитофонную запись при такой работе сделать практически совершенно нереально. Текст, приводимый ниже, был зафиксирован сразу после сеанса. Знахарка чувствовала себя уставшей и потому, как это чаще всего бывает в искусственных ситуациях записи, произнесла основные формульные части заклинания, сократив то, что, по ее представлениям, всегда и везде говорится одинаково или, наоборот, может в значительной степени варьироваться:

Круг-лишай,
свинья, мешай.
У круга-лишай
двенадцать сыновьев —
усе в расход пашли
(патом ат двинацати да аднаво читаишь)
И сыди с Галины
и свиной;
и сабачий,
и кашачий...
(всех читай ат этих, Вылентина, тут всех ат круга читаишь) ³⁶.

Сама заклинательница в процессе лечения произносила весьма длинные ряды названий животных и птиц, варьируя их последовательность от одного раза к другому, — она не осознавала это как текстовое нарушение.

Такой тип заговорно-заклинательного акта для Д. Ф. Царьковой обычен. Она лечит довольно много болезней; во всех ситуациях заклинания у нее важнейшим является вербальный текст, вокруг которого формируется заклинательное действие. В ее репертуаре также есть некоторые тексты, произносимые при случае в виде молитвы-оберега как утренние и вечерние молитвенные заклинания.

Еще один тип заговорно-заклинательного акта, противоположный во многих отношениях «отчитыванию словом», можно обозначить как «зрелищно-игровой». Это достаточно редкое явление в восточнославянской практике, во всяком случае, современной (в моей коллекции два десятка описаний от всего лишь пяти информаторов). «Зрелищно-игровой» акт представляет собой своеобразное театрализованное действие, которое ведун приводит всякий раз несколько по-новому. Это

ситуация, отдаленно напоминающая камлание. Акт такого типа более всего представляет подозреть ведуна в откровенном шарлатанстве. При «зрелищно-игровом» заклинании он может использовать традиционные молитвы, сочиняемые им молитвенные тексты (иногда возможна импровизация по конкретному поводу), полные заговорно-заклинательные тексты и их отдельные части. Все это компонуется не по заранее заданной схеме, а в зависимости от обстановки. Сам заговорно-заклинательный процесс может оказаться как бы многоактным действием, благодаря которому поэтапно осуществляется лечение. Обычно к такому типу заклинания прибегают творчески одаренные люди, верящие в свое избранничество или выдающие себя за колдунов, знахарей, т. е. занимающиеся обманом легковой публики. Среди ведунов, склонных к «зрелищно-игровому» заклинанию, есть в настоящее время те, кто претендует на создание собственных методов исцеления, своеобразных мировоззренческих концепций, обычно малограмотных и эклектичных по своей сути. Примером заклинателя такого типа может служить уже упоминавшийся ранее целитель А. П. Бабич.

Сам А. П. Бабич не считает себя традиционным знахарем — ему более по душе роль «целителя от Бога», которая впрочем имеет весьма обычные характеристики. Основные навыки заговорно-заклинательного искусства он приобрел в семье: знахарством занимались его дед, отец, дядя. Но целитель полагает, что источник всех его познаний — Небесный учитель Сергей Радонежский. Учитель, раз пришедший к нему и объявивший о своем покровительстве, находится с ним в постоянном контакте. А. П. Бабич демонстрирует это пациентам и зрителям путем раскачивания янтара-маятника, сообщая, что таким образом Учитель отвечает на его вопросы³⁷. Сеанс строится как непринужденная беседа, в ходе которой целитель общается в основном с Учителем и менее всего с больным:

— «Та-ак, что тут у нас... Та-ак... Первая чakra работает? Нет (смотрит на янтарь, который раскачивается, давая отрицательный ответ; далее — то же). Вторая?.. Нет. Третья?.. Нет! Ты смотри, тоже нет... Та-ак, лишь три нижние чакры работают — вот это да! Так, что мы будем делать. Шею надо дергать?.. Надо! Позвоночник в плохом состоянии. (Сообщает больной). Вот потому и голова болит, мигрени! (Слабый протест пациентки: Да у меня вообще не болит голова практически никогда!). Кровообращение у Вас плохое! Так, расслабьтесь... Ну-ну, еще... (дергает шею в одну сторону) Та-ак! Вон как захрустело! А говорила... Та-ак, теперь еще раз... Ну что напрягаешься? Я ведь все равно поймаю момент... Ну, расслабься... (неожиданно дергает шею в другую сторону). О! Слышь, как хрустит? Вот-вот. Так, что у нас еще? Сглаз есть?.. Да, есть! У-у-у... Сколько раз надо отчитывать?.. Три?.. Пять?.. Что, на полную? Семь молитв?! Ну ладно, значит, будем семь молитв. Так, ты, Марианна, пересядь. Садись сюда (сажает пациентку в кресло, сам садится напротив на стул, достает карманное издание Евангелия, распятие) Крещеная? (Пациентка: Да.) Клади сюда руки.

Пациентка кладет руки на Евангелие и распятие, которые целитель держит на своей ладони; правой рукой он будет в процессе отчитывания то накрывать руки пациентки, то указывать на нее пальцем (средним!) во время произнесения в заклинательной формуле ее имени. Далее А. П. Бабич читает достаточно громко 7 раз «Отче наш», добавляя к молитве формульные заговорные отрывки, которые он считает «своими», ему лично данными свыше молитвами, представляющими собой формулизованные заклинательные просьбы и отсылки с хорошо выверенной ритмикой. Целитель считает, что «свои молитвы» лучше говорить «стихами», тогда они четче запоминаются и проговариваются. В процессе чтения, молитвы и заклинательных отрывков он судорожно зевает, периодически повторяя: «Вот как забрало!». «Отче наш» говорится в каноническом варианте, далее:

Забери, Господи,
от священной, крещеной
рабы Божей Вали
от сглаза и наговор

на глухой лес,
на топкие болота,
где лошади не ходят,
люди не живут,
петухи не поют. Аминь.

Ну вот. Так, что там еще? Спину надо дергать?.. Да, надо. А когда? Завтра? .. Послезавтра?.. (пациентке) Ну, это можно потом. Сегодня нельзя — нагрузка слишком большая будет³⁸.

Последний тип заговорно-заклинательного акта, который удается выявить в восточнославянской традиции, наиболее интересен во многих отношениях. Он представляет собой окказиональную ситуацию обрядового характера, судя по всему, с достаточно четко разработанной структурой, допускающей некоторые вариационные действия при заклинании. По всей вероятности, каждый ведун, имеющий обыкновение работать таким образом, создает свой особый вариант заговорно-заклинательного акта этого типа, в основе которого все-таки остается трехчастная структура, обеспечивающая вхождение в ситуацию заклинания (ритуализованное поведение → ритуальное), сам факт воздействия и выход из миниобряда заклинания (ритуальное поведение → ритуализованное). При таком типе заклинания ведун обычно комбинирует воздействие словом, предметом (включая снадобья), движением. Подобную разновидность заклинательной практики можно условно обозначить как «заговорно-заклинательный акт-обряд». Вербальный текст здесь обычно участвует в воздействии наряду с другими составляющими. Но отношение к слову при этом обычно достаточно свободно: текст может видоизменяться, как и контекст самой обрядовой ситуации. К «заговорно-заклинательным актам-обрядам» часто прибегают профессионалы, воспринимающие лечение как собственное целительское воздействие с помощью сакральных слов и приемов. Среди них чаще всего встречаются импровизаторы и творцы.

Одна из знахарок, Пилипюк А. Х., 74 лет, плохо представляющая, как объяснить свое воздействие на пациентов, рассказывает, что ее лечение — это традиционное знание, доставшееся ей по наследству, и просто констатирует, кому она помогла. При передаче основ знахарского искусства она отдельно говорила о каждом компоненте заговорно-заклинательного акта; текст же заклинания передала полностью, как единый заговор. Однако при лечении пациентки обнаружилось, что знахарка воспроизводит именно «заговорно-заклинательный акт-обряд», в процессе которого она периодически обращается к отдельным частям вербального текста и чередует их с разными действиями. Таким образом, в искусственной ситуации обучения и естественной ситуации лечения удалось записать весьма значительно различающиеся образцы заклинательной деятельности. Естественно отправляемый заговорно-заклинательный акт выглядел следующим образом. В процессе подготовки к заклинанию знахарка усаживает пациентку на низкую скамейку ногами в сторону открытой двери в летней кухне. Потом приготавливает кружочки из льняной пакли, свечку, спички, нож, раскладывая все это по столу. При этом она сосредоточивается, буквально меняясь на глазах. Остановившись над больной и положив ей на голову правую руку, знахарка трижды подряд читает «Отче наш», периодически крестясь. Ее сосредоточенно-напряженное состояние начинает передаваться пациентке. Потом знахарка, переведя дыхание, запаливает громничную свечу и начинает подпаливать лен над головой больной со словами:

- (1) Болэзь, болэзь,
звїдкі ти прийшла: чи з тучи,
чи з грому,
чи з вітру...

Неожиданно тихонько говорит пациентке: «Ось, дивись!», — показывая, как летят прямо в дверь подожженные ею один за другим три кусочка пакли, при этом трижды повторяется первая часть текста. Создается такое впечатление, что

подоженная пакля вылетает из рук знахарки прямо на словах «чи з вітру»; но текст при этом читается дальше:

чи з бурі,
чи з вочей,
чи з поганих людей?

Потом знахарка начинает крестить голову пациентки горячей свечой, приговаривая при этом:

(2) Господинка Матерка Божа,
отведи от раби Божої Валэнтини тую болэзь, —
звІдкі вона прийшла: з тучи,
з грому,
з вітру,
з бурі,
з вочей,
з поганих людей!

(3) Господи, Матер Божія,
Я тебе прошу:
отведи од ней тую болэзь —
де вона взялася!

Чувствуя себя явно уставшей, знахарка снова кладет руку на голову больной и, как бы пытаясь передохнуть, справиться со своим дыханием, снова трижды читает полный текст «Отче наш». Потом она берет большой нож, оперевшись левой рукой на плечо пациентки, начинает медленно проводить им от ее головы к ногам на расстоянии 25—30 см от тела. Каждое движение делается на протяжении прочтения одной формулы: сначала дважды говорится часть 4, потом 1 раз часть 5:

(4) А хватить тобі по тей голові,
по тих вочах,
по тих грудях,
по тих руках,
по тих ногах кружиця,

тобі треб йити в ліс становиця!

(5) Хватіт тобі червону кроў пити,
білоэ тіло сушити,
жоутў кість ломити!

Тобі хватить кружиця, —
треб йити в ліс становиця!

Знахарка откладывает нож, вероятно, не вполне удовлетворенная заговорно-заклинательным актом. Потом она берет горящую свечу и снова ею крестит голову пациентки, произнося при этом трижды третью часть текста. Далее она кладет на голову, прикрывая распущенные волосы женщины, льняную тряпочку и, взяв нож и водя им над телом больной, трижды прочитывает снова четвертую часть. Старушка зажигает еще три кружочка пакли один за другим под чтение первой части текста; горящая пакля на сей раз почему-то падает у ног больной. Далее знахарка повторяет сначала вторую, потом третью часть текста, поглаживая пациентку руками по распущенным волосам, как бы что-то снимая с них. Потом ведунья снова зажигает паклю, которая, практически не загораясь, падает у нее из рук. «Ну, то тобі і добре!» — говорит знахарка, крестя пациентку и читая над ней «Отче наш» еще раз. В процессе чтения молитвы она явно избавляется от напряжения, с которым проводила заговорно-заклинательный акт. После этого, отдыхая вместе с пациенткой и постепенно наводя порядок в помещении, она уже спокойно рассказывает, что болезнь была с плохого ветра, на который кто-то сказал дурные слова³⁹.

Категория исполнителя	«Отчитывание словом»			Заговорно-заклинательный акт-обряд			«Зрелищно-игровой акт»		
	Бог	Слово	Я	Бог	Слово	Я	Бог	Слово	Я
Передачик	(+)	(+)	—	—	—	—	—	—	—
Контаминатор	+	+	(+)	+	+	(+)	—	—	(+)
Импровизатор	+	+	(+)	+	+	+	(+)	(+)	+
Творец	(+)	(+)	—	+	+	+	+	+	+

Примечание. «+» — наличие признака, «—» — отсутствие признака, «(+) — возможность или дополнительность признака.

Каждый тип заговорно-заклинательного акта, как было показано выше, свойствен исполнителям определенных категорий, имеющим различные представления о сущности воздействия «магической силы» на человека. Для наглядности все названные показатели могут быть сведены в таблице.

Разумеется, заговорно-заклинательная традиция, как и всякое живое явление, не вмещается абсолютно четко в жесткую схему. Но приведенная таблица все же отражает основные, «узловые» моменты заклинательной деятельности. Можно сказать, что она представляет собой схему-описание общих положений магической практики на определенном синхронном срезе.

Заговорно-заклинательный акт (как «текст» в семиотическом смысле) требует интерпретации, учитывающей его глубинную структуру. Для всех типов такого действия может быть выведена единая, наиболее обобщенная (инвариантная) схема; она трехчастна. Часть I предполагает выход действующих лиц из реально-пространственных координат, что связывается с прерыванием обычного течения времени и общения с видимым миром. Это осуществляется путем попания церковных атрибутов, обращения к inferнальному миру или, наоборот, через молитву с использованием религиозно значимых реалий путем апелляций к божественному Верхнему миру. II часть — «пребывание за пределами реальности» — представляет собой непосредственно акт воздействия. Часть III зеркально отображает первую: возвращение из «запредельности» в реальность.

Таким образом, инвариант заговорно-заклинательного акта предопределяется именно теми соображениями, которые объясняются идеей временной искусственной лиминальности (термин В. Тэрнера), «запредельности» основных действующих лиц⁴⁰. Он имеет несколько структурных разновидностей, которые соотносимы с охарактеризованными ранее типами заговорно-заклинательного акта. Появление их связано с варьированием II части. При «отчитывании словом» она целостна и кратна (повторы процесса заклинания 3, 6, 9, 12 раз), например: I + II (II n) + III. В «заговорно-заклинательном акте-обряде» II часть раздроблена и частично повторяема: I + II (a + ... n) + III. Структура «зрелищно-игрового» акта отличается фактически «многоактностью» в своей II части: I + (IIa + ... IIn) + III⁴¹.

Три различных типа структуры на практике дадут многочисленные, условно говоря, «сюжетные» варианты, например: I тип — 1) I + (II + II + II) + III; 2) I + (II + II + II + II + II + II) + III и т. д.

Реальное текстовое воплощение любого заговорно-заклинательного акта будет еще более многообразно, что зависит не только от исполнителя и присущих ему характеристик, но и от используемого вербального текста, а также самого конкретного магического дела.

Четыре уровня анализа заговорно-заклинательного акта («текста» в семиотическом смысле) совпадают, что совершенно естественно, с уровнями исследования фольклорного текста, например, сказки⁴². Подобные вещи предоп-

ределены особенностями человеческого сознания. На более раннем этапе исторического развития они проявляются несколько явственнее⁴³.

При анализе заклинательной традиции необходимо учитывать, что инвариантная схема заговорно-заклинательного акта, а также его структурные, сюжетные и текстовые воплощения диктуются особыми задачами магической практики: ведун должен оказать реальное психотерапевтическое или парапсихологическое (гипнотическое, энергетическое) воздействие на своих реципиентов (пациентов либо, наоборот, на людей, животных, предметы, на которые делается злой наговор). В наши дни, когда о парапсихологии уже можно, наконец, говорить как о науке, стоит посмотреть на заклинательный процесс восточнославянского знахаря с этих позиций.

Вне всякого сомнения, заговорно-заклинательный акт в некоторых ситуациях включает элемент психотерапевтического воздействия. Оно сказывается иногда уже при самом факте обращения к знахарю (или сообщении об угрозе колдуна). Отчасти это происходит в процессе заклинания, если пациент свято верит в чудо, творимое ведуном; тем более, если он слышит произносимый вербальный текст (что бывает очень редко, но заместителем текста здесь выступают изоморфные ему действия, предметы и т. п.). Наиболее же вероятно такое влияние при проведении знахарем в I и III части заклинательного акта соответствующего «психотерапевтического сеанса» (ср. с постоянными угрозами колдуна или его рассказами о содеянном). Психотерапевтическая беседа может быть, например, такой: «А гылава балить — эта чужое все. Эта, знаишь, ни тибе дельли; эта дельли по ветру каму-та. А ты как раз этыт момент папала. Все прайдеть, толька ни биспакойси, детка. Все будить хырашо (...) Так что, милянкыя Машинька, ни беспокойся...»⁴⁴

Парапсихологическое (гипнотическое и биоэнергетическое) воздействие стимулируется в процессе всего заговорно-заклинательного акта, но реально осуществляется во второй его части. По всей вероятности, в силу особой, выработанной на протяжении столетий традиции оно стимулируется специфически организованным словом. С этим связан необычный стих⁴⁵ восточнославянского устного заклинания (заговора)⁴⁶. Своеобразие его вызвано той ритмико-мелодической структурой, в которую он должен укладываться. Интересно, что при своей непесенности (по крайней мере на данном этапе существования)⁴⁷ этот стих в значительной степени в формальном отношении приближается к причетному, что особенно ярко прослеживается при порегиональном сопоставлении⁴⁸. Разумеется, такое сближение не случайно. Оно свидетельствует, конечно, и о том, что заклинание заговорного типа требует (требовало) песенно-речитативного исполнения, при этом строго фиксируются некоторые постоянные ударения. Заговорно-заклинательные тексты, включаемые в основном во II часть акта⁴⁹, и в настоящее время иногда произносятся речитативно. Во всяком случае, ритмико-мелодическая схема заклинания знающим ведуном всегда выдерживается. С этим связано, по всей вероятности, основное парапсихологическое воздействие⁵⁰.

Суть гипнотического действия сводится, вероятно, к тому, что заклинатель, читая специфическим образом организованный текст, где целый ряд однотипных в ритмико-мелодическом отношении строк вдруг сбивается иным рядом или отдельной строкой⁵¹, сам впадает в одну из начальных стадий гипноза⁵² и подвергает тому же пациента. Далее должна происходить передача информации, заложенной в текст или, по меньшей мере, основной идеи ее. Рискую предположить, что здесь подключается та связь, которую принято именовать телепатической, поскольку вербальный текст почти не звучит (исполняется в различных вариантах шепотного произношения). Видимо, на этом этапе неким образом задействована и биоэнергетика⁵³.

Собственно биоэнергетическое воздействие знахарь может оказывать различными путями. Миную вопрос о черной магии и современных экстрасенсах, остановимся на том, что наблюдается в традиционной народной медицине. При описании заговорно-заклинательных актов делался акцент на особом состоянии, в которое входит заклинатель при смене ритуализованного поведения на ритуаль-

ное. Это состояние в общем виде можно определить как истово-напряженное. Но иногда оно может приближаться к трансу или экстазу. И тут всплывает целая цепь аналогий: шаманские камлания⁵⁴, южнославянские русалии⁵⁵, молдавские карачуны⁵⁶, вызывание экстаза для «принятия святого духа» в религиозно-мистических сектах⁵⁷. В каждую из названных ситуаций могла быть включена задача исцеления больных. При этом, как и в древнейших ритуалах, в значительной степени активизируется энергетическая потенция человека, что сопряжено с трансом и экстазом.

Вместе с тем транс и экстаз приводят к такому психическому состоянию человеческого организма, когда открываются некие «сверхъестественные» возможности: возможность сильного воздействия тепловой и электромагнитной волной, а также, вероятно, некими более «тонкими» видами биоэнергии⁵⁸.

Таким образом, суть воздействия на пациента в заговорно-заклинательном акте состоит, как минимум, из психотерапевтического, гипнотического (телепатической передачи информации) и биоэнергетического («механическая биоэнергия» + «тонкая» энергия). Возникновению всего этого во многом способствует ритмико-мелодическая основа заклинания; ритмизация при этом присутствует не только в вербальном тексте, но пронизывает собой весь заговорно-заклинательный акт, все действие. Не случайно многие исследователи придавали ритму столь важное значение⁵⁹.

Ритмизация заговорно-заклинательного текста проявляется, естественно, в устах хорошего информатора в процессе реальной работы. При передаче заклинания в искусственной ситуации многое теряется: исполнитель, как и при передаче песни любого жанра, не может абсолютно точно воспроизвести текст, так как он не воспроизводит при этом нужную ритмико-мелодическую форму. Следовательно, могут считаться совершенно достоверными вербальные тексты, зафиксированные только в естественной ситуации. Устная традиция имеет свои законы, а закон истинного исполнения исключительно при соответствующих обстоятельствах, месте и времени для фольклора непреложен. Однако наличие в основном дефектных текстов в различных публикациях и архивах связано не только с этим.

Как известно, заговорно-заклинательные тексты в восточно-славянской практике довольно часто фиксировались самими информаторами в письменной форме. Однако это нельзя воспринимать только как особенность устной заклинательной практики. Более того, в данном случае речь должна идти фактически о двух параллельно существующих вариантах традиции: устном и письменном. Это, конечно, не исключает полностью использования в устной заклинательной практике отдельных записей «для памяти» (ср. Д. Ф. Царькова): но, как правило, устные тексты во время заклинаний не читали по листочкам. Они бытовали по законам устной традиции. Иное дело — объемные, сложно организованные заклинания (чаще всего религиозно-молитвенного характера). Они имели письменную форму не только передачи, но и бытования, использования: применялись как амулеты, обереги, могли читаться по написанному. Думается, что два варианта заклинательной практики отчасти разрешают вопрос о месте и времени возникновения заговоров⁶⁰.

Итак, анализ *устной* заговорно-заклинательной традиции восточных славян требует специальной методики. Ее применение позволяет выделить заговорно-заклинательный акт как основную единицу магической практики, бытующую, по меньшей мере, в трех структурных разновидностях: «отчитывание текстом», «заговорно-заклинательный акт-обряд», «зрелищно-игровой акт». Реальное воплощение заклинательного акта зависит от ведуна (его принадлежности к определенной категории исполнителей; веры и осознания того, каким образом оказывается воздействие на окружающий мир; «профессионализма»). «Сюжетные» варианты заговорно-заклинательных актов могут строиться с учетом характера воздействия в конкретной ситуации. В восточнославянской традиции основное воздействие связывается в первую очередь с вербальным текстом, его ритмико-ме-

лодической основой. Анализ внутренней ритмико-мелодической формы заклинаний может позволить не только уловить основные ее разновидности (региональные, исполнительские), но и отметить наличие особого стиха заговора в устной сфере бытования. Таким образом, появляется возможность разделить варианты устной и книжно-письменной заговорно-заклинательной традиции восточных славян.

Примечания

¹ Цивьян Т. В. Мифологическое программирование повседневной жизни // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 155.

² Там же. С. 155.

³ Байбури А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения. Л., 1985. С. 8.

⁴ Топоров В. Н. О ритуале. Введение в проблематику // Архаический ритуал в фольклорных и раннелитературных памятниках. М., 1988. С. 53.

⁵ См., например: Никитина Н. А. К вопросу о русских колдунах // Сб. Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л., 1928. С. 299—324; Коваленко Г. О народной медицине в Переяславском уезде Полтавской губ. // Этнографическое обозрение. 1891. Кн. 9. № 2. С. 141—149.

⁶ См., например: Толстая С. М. К проблеме комплексного изучения фольклора // Фольклор. Песенное наследие. М., 1991. С. 32.

⁷ Давиденков С. Н. Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947. С. 137—154. Кроме того, существует множество наблюдений этнографов и фольклористов, изучавших шаманизм. См., например: Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. Опыт исследования структур. М., 1984. Там же см. библиографию.

⁸ Топоров В. Н. О статусе и природе заговора (теоретический аспект) // Этнолингвистика текста. Семиотика малых форм фольклора. Тез. и предварительные материалы к симпозиуму. М., 1988. С. 22.

⁹ В данном случае понятие «заговорно-заклинательного акта» фактически равно заговору, если он рассматривается как текст в семиотическом смысле (ср. Топоров В. Н. О статусе и природе заговора).

¹⁰ Чистов К. В. Вариативность и поэтика фольклорного текста (История, культура, этнография и фольклор славянских народов) // IX Междунар. съезд славистов. Докл. сов. делегации. М., 1983. С. 154.

¹¹ «Профессиональными» заклинателями стоит считать тех, кто «пользуется» не только свою семью, но и людей со стороны. Среди колдунов профессионалами считаются те, кто достаточно широко известен в округе своими многочисленными действиями.

¹² Об этом см. например: Афанасьев А. Н. Ведун и ведьма // Комета. М., 1851. С. 87—164; его же. Колдовство на Руси в старину // Современник. 1851. Т. 26. № 4. С. 49—64 и др. работы.

¹³ О волхвах см., например: Аничков Е. Волхвы на Руси // Новый энциклопедический словарь. Т. 13. СПб., 1913. С. 497—499; Белкин А. А. Русские скоморохи. М., 1975. С. 30—36.

¹⁴ Некоторые «знающие» могли вообще жить только на доходы от профессионального занятия. См., например, Коваленко Г. Указ. раб. С. 148.

¹⁵ Подобное разделение имеет место в магической практике довольно широко. Ср., например, с «разделением функций» шаманов и стариков у алтайцев: Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал. Новосибирск, 1990. С. 82—83.

¹⁶ Записано в 1981 г. УССР, Житомирская обл., Радомишльский р-н, с. Вышевичи // Архив В. И. Харитоновой.

¹⁷ Записано в 1981 г. от Назаренко П. Н. 1905 г. УССР, Житомирская обл., Овручевский р-н, с. Выступовичи // Полесский архив ИСиб АН РСФСР.

¹⁸ Записано в 1983 г. от Торгона А. П. 1916 г. р. БССР, Гомельская обл., Лоевский р-н, с. Тонез // Полесский архив...

¹⁹ Записано в 1988 г. от Угольковой М. П. 1906 г. р. РСФСР, Калужская обл., г. Малоярославец // Архив В. И. Харитоновой.

²⁰ Записано в 1986 г. от Пилипюк А. Х. 1902 г. р. Волынская обл., Владимиро-Волынский р-н, с. Красновосток // Архив В. И. Харитоновой.

²¹ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Известия ОЛЕАЭ при Московском ун-те. Тр. этнографического отдела. Кн. V. Вып. II. Т. 30. М., 1878. С. 191.

²² В роли «подручных персонажей» могут выступать либо персонажи низшей мифологии, либо же специально вызываемая нечистая сила, которая становится воплощением личной магической силы колдуна (см., например, многочисленные свидетельства в быличках: Мифологическая проза русского населения Восточной Сибири / Сост. В. П. Зиновьев. Новосибирск. 1986). Получение и использование такой нечистой силы несколько напоминает ситуацию общения алтайского шамана с божествами через своего двойника (душу, получившую частичную власть над самим шаманом). Нечистая сила, подчиненная колдуну и выполняющая его поручения, также имеет некоторую власть над ним. (Ср.: Потапов Л. П. Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 42—49).

²³ Записано в 1975 г. от А. Н. Бутаковой 85 л. в с. Кильце, Архангельская обл., Мезенской р-н // Архив МГУ-75. 15-15-2.

²⁴ Записано от Андиферовой П. Д. 60 л. С. Ничесо, Архангельская обл., Холмогорский р-н//Архив МГУ-69. 29-1-224.

²⁵ Записано в 1976 г. от А. А. Кичиной 56 л., Дер. В. Березник, Архангельская обл., Лешуконский р-н//Архив МГУ-76, 10—24.

²⁶ Ср. с таким широко распространенным у народов Сибири явлением, как наличие «своей песни» у каждого человека и собственных песнопений у шаманов, происхождение которых может считаться божественным.

²⁷ Эта концепция частично изложена самим автором: *Бабич А. П.* Чудеса среди нас. Харьков, 1991 — и в брошюре: *Санин Евг.* Чудеса без чудес (Встречи с экстрасенсом). М., 1990.

²⁸ *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. V. С. 137, № 3.

²⁹ Записано в 1981 г. от Назаренко Н. П. 1905 г. р. Житомирская обл., Овручевский р-н, с. Выступовичи//Палесский архив.

³⁰ Записано от Назаренко Н. П. 1905 г. р. С. Выступовичи//Полесский архив.

³¹ Этот вопрос рассматривается во многих исследованиях, где предлагаются различные классификации. См., например: *Никифоров А. И.* Сказка, ее бытование и носители//*Капица О. И.* Русская народная сказка. М.; Л., 1930; *Астахова А. И.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966. В работе используется классификация, обоснованная в статье: *Харитонова В. И.* Восточнославянская причетъ и ее исполнители//*Фольклор народов РСФСР. Мэжэтнические фольклорные связи.* Уфа, 1987. С. 138—148.

³² Далее эта группа информаторов будет именоваться «творцами».

³³ См., например: *Дмитриева С. И.* Слово и обряд в мезенских заговорах//*Обряды и обрядовый фольклор.* М., 1982. С. 36—46.

³⁴ Обычно для настоящей передачи своей силы и знаний ведуну избирали одного преемника, хотя не возбранялось передавать знание и людям младшего возраста, желающим приобщиться к заклинательной практике; это делалось достаточно широко. При этом среди получивших знание могли оказываться люди, неспособные его использовать, т. е. совершенно не обладающие экстрасенсорными качествами.

³⁵ Записано в 1990 г. от Царьковой Д. Ф. 1918 г. р. Калужская обл., Малоярославецкий р-н, д. Заболотное//Архив В. И. Харитоновой.

³⁶ То же.

³⁷ Эта информация видоизменяется в зависимости от аудитории, перед которой оказывается А. П. Бабич. Так, например, на одной лекции он объяснял движение маятника взаимодействием биополей.

³⁸ Записано 5.03.92. Москва//Архив В. И. Харитоновой.

³⁹ Записано в 1986 г. от Пилипюк А. Х. 1902 г. р. Вольнская обл., Владимиро-Волынский р-н, с. Красностав//Архив В. И. Харитоновой.

⁴⁰ В этом свете интересен выбор времени для отправления заговорно-заклинательных актов — переходное состояние суток, а также отсутствие времени в запредельном мире (ср. с сообщениями людей, побывавших за границами жизни: *Моуди Р.* Жизнь после смерти. М., 1990) и попытки «соединить» реальное время от момента начала действия до выхода заклинателя из «запредельности», с чем связана установка на тайну отправления заклинательного акта.

⁴¹ Поэтапный анализ заговорно-заклинательного акта на различных уровнях важен для понимания его специфики и необходим при исследовании фольклорного материала. Ср.: *Чистов К. В.* Поэтика славянского фольклорного текста. Коммуникативный аспект//*История, культура, этнография и фольклор славянских народов. VIII Междунар. съезд славистов.* М., 1978. С. 317.

⁴² См. цикл работ В. Я. Проппа, Е. М. Мелетинского и др.

⁴³ Ср., например, у тюрков шаманские камлания и сказительство. Например: *Сагалаев А. М., Октябрьская И. В.* Указ. раб. С. 164—166.

⁴⁴ Записано в 1989 г. от Угольковой М. П. 1906 г. р. Калужская обл., г. Малоярославец//Архив В. И. Харитоновой.

⁴⁵ Вопрос о стихотворной/прозаической форме заговора до сих пор остается дискуссионным, что связано с различием в подходе к отбору материала и разграничения его на устный/книжно-письменный. Ср., например, *Гончаров Б. П.* Звуковая организация восточнославянских заговоров//*Русская литература.* 1987. № 3; *Барташевич Г. А.* Магічнае слова. Мінск, 1990. С. 27.

⁴⁶ Об уточнении терминологии и внутрияжановой дифференциации см.: *Харитонова В. И.* Жанровая дифференциация заговорно-заклинательной поэзии//*Филол. науки.* 1988. № 4. С. 7—13.

⁴⁷ О песенном генезисе заклинаний см., например, *Познанский Н. Ф.* Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Ч. V.— Песенные заклинания, Пг., 1917. Из последних указаний на песенное происхождение заговоров см.: *Аникин В. П.* Русский фольклор. М., 1987. С. 95.

⁴⁸ Это весьма объемная тема для отдельного исследования.

⁴⁹ I и III части включают обычно молитвы и молитвоподобные формульные части текста. Это необычайно интересно не с позиций традиционных заявлений о том, что христианство неглубоко проникло в заклинательную поэзию, а с точки зрения «выхода» действующих лиц именно во II части заговорно-заклинательного акта из реального хронотопа.

⁵⁰ Трудно согласиться с О. А. Черепановой, утверждающей, что «... поэтическая сторона заговоров, их образная система, ритмико-мелодический строй уже давно оттеснили на второй план заклинательно-гиластическое значение произведений этого жанра» (*Черепанова О. А.* Явление прозопопеи и языковые средства его реализации в заговорах и заклинаниях//*Язык жанров русского фольклора.* Петрозаводск, 1979. С. II).

⁵¹ Например:

«... У той шуки нет ни щепоты,
ни ломоты,
ни опухоли,
ни отяготы,

Ни по костям,
ни по ребрам,
ни по жилам,
ни по мозгам,
ни по суставам.

Так же бы и у рабы Божьей (имярек) не было... // Записано в 1975 г. от Бутаковой А. Н. 1890 г. р. Архангельская обл., Мезенский р-н, с. Кильце (Архив МГУ-75, 15-15-2).

⁵² О гипнотических свойствах речи см.: Кнорозов Ю. В. К вопросу о классификации сигнализации // Основные проблемы африканистики. М., 1973. С. 331—333.

⁵³ См. об этом: Дубров А. П., Пушкин В. Н. Парапсихология и современное естествознание. М., 1990. С. 235—238.

⁵⁴ Например: Сагалаев А. М., Октябрьская И. В. Указ. раб. С. 159; Потанов Л. П. Указ. раб. С. 76, 82 и др.; Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884. Bd 2. S. 17.

⁵⁵ Арнаудов М. Кукери и русалии // Студии върху българските обреди и легенди. Ч. III. С. 171—238.

⁵⁶ Русов Ст. О происхождении двух простонародных слов: Карачун и Чур // Отечествен. зап. 1828. № 98. Ч. XXXIV. С. 474—480.

⁵⁷ Коновалов Д. Г. Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве. Ч. I. Вып. I — Физические явления в картине сектантского экстаза. Сергиев Посад, 1908.

⁵⁸ См. подробно: Дубров А. П., Пушкин В. Н. Указ. раб.

⁵⁹ См. об этом, например, у А. А. Блока: Поэзия заговоров и заклинаний // Собр. соч. Т. 5. М., 1971. С. 47.

⁶⁰ Вопрос анализировался, например, в работе: Петров В. П. Заговоры // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 84—90 (ср. взгляды Мансика В. И., Веселовского А. Н., Познанского Н. Ф.)

Charming and Conjuring Actions in the East Slavs Folk Culture

A new look on charming and conjuring tradition of the East Slavs is given in the article. It is based on the field data collected by the author during her experimental work. Situations required some charming or conjuring actions were studied in everyday life. Three types of magic actions in connection with the magic power of executors, their belief in own resources were marked by the author. Some aspects of psychological pressure bearing by the exorcist upon patient are also examined in the paper.

V. I. Kharitonova

© 1993 г., ЭО, № 4

Е. А. Самоделова

ТЕМА СМЕРТИ В СВАДЕБНЫХ КОРИЛЬНЫХ ПЕСНЯХ (на материале Рязанской области)

В рязанской свадьбе имеется целый пласт песен с отрицательно-оценочной лексикой — в научной литературе они известны как *корильные* или *корительные*¹. Место и время исполнения этих песен строго приурочено к определенным моментам свадебного обряда. Они «играются» (т. е. исполняются) преимущественно на территории родителей невесты и, как правило, до венчания.

Корильные песни исполняются в следующих случаях: 1) на вечеринке у невесты при «обыгрывании» гостя, если он сразу не заплатит — ему поют: «Уж мы дернем-подернем тебя...»²; 2) на территории жениха. «За два дня до свадьбы